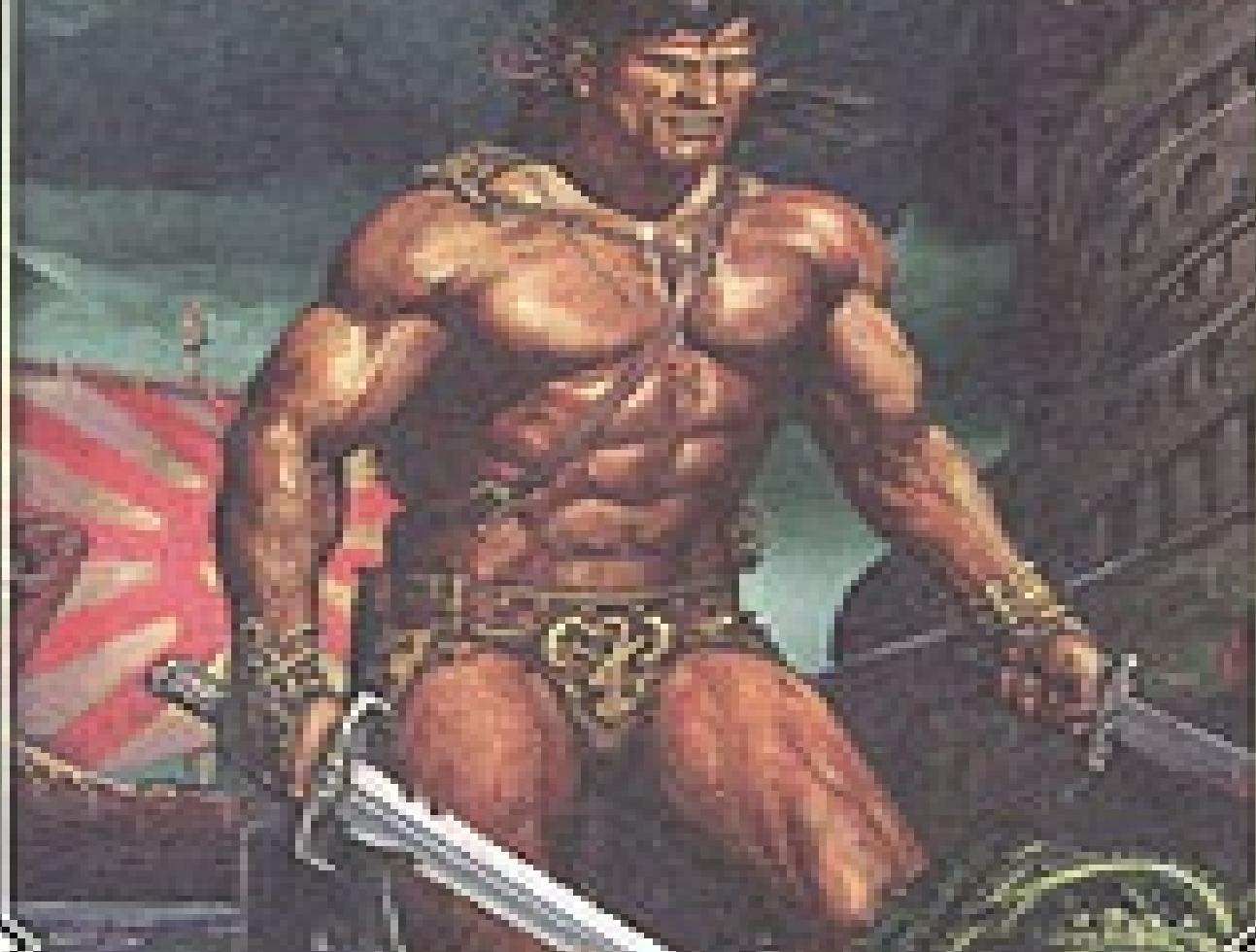

СИКСПЕЛ-Э

КОНАН
И ЗАГОВОР
ТЕНЕЙ

-Северо-Запад-

- [Гидеон Эйлат](#)

○

Гидеон Эйлат

Охота на ведьм

Громадный кулак в кольчужной рукавице обрушился на сосновые клепки. Из отверстия хлынул деготь, следом за ним на палубу драккара полетел и сам искалеченный бочонок. Та же судьба постигла еще нескольких. По черной блестящей луже разбежались радужные сполохи, а затем в нее окунулся горящий факел.

Только сейчас Конан понял, для чего предназначались эти бочонки, привезенные из самого Ванахайма. Понял и внутренне содрогнулся.

— Корабля у нас больше нет, — угрюмо и торжественно пробасил великан, исподлобья окидывая свирепым взором свое маленькое войско, которое выстроилось на берегу возле пылающей ладьи. Справа и слева от него, сомкнув узловатые пальцы на гладких рукоятях сверкающих боевых топоров, застыло около дюжины его верных родичей, похожих на замшелые утесы ванахаймских фьордов.

— А значит, — заключил Хорг, — ни один из вас, мои доблестные родичи и отважные воины из иных родов, племен и стран, в бою не решится показать врагу спину. Мы на острове, и путь к спасению лишь один — через победу.

Дружина зароптала, но никто не осмелился выкрикнуть упрек в лицо вожаку.

— Совсем свихнулся человек, — тихо проговорил Конан. — Он привел сюда всего сорок шесть рубак, и один Кром знает, сколько латников подстерегает нас на стенах этой цитадели. Мы все здесь и поляжем.

— Поляжем, если будет на то воля Имира, — процедил сквозь зубы гандер в залатанной кольчуге, надетой прямо на голое волосатое тело; под мышкой он держал рогатый шлем, — но если останемся в живых, я Хоргу не позавидую.

Угрюмый исполин, по-видимому, обладал феноменальным слухом. Он надолго задержал недружелюбный взгляд на Конане, а потом посмотрел на его соседа. И Конан заметил краем глаза, как гандер, носивший на теле следы многих жестоких битв, невольно поежился под этим взором.

— Скоро, северные волки, — надменно проговорил Хорг, — вам будет позволено утолить праведный гнев. Хоть на куски меня разорвите, ежели кто-нибудь из вас доживет до завтра. Или если я доживу. Но сегодня вы не посмеете ослушаться меня, вашего вождя. Потому что только я знаю врага, с которым нам придется иметь дело.

Снова — ропот. Лишь родичи Хорга молчали и настороженно зыркали исподлобья, готовые в любой момент своими телами и сталью заслонить вожака. Они были в сговоре с ним; они знали, на что шли.

— Я привел вас сюда обманом, — сказал Хорг дружине. — Вы до последнего мига верили, что вместе с объединенным флотом ванахаймских племен идете грабить богатые и слабо защищенные зингарские поселения. А вместо этого оказались на острове, перед мощной крепостью, где засел старинный и заклятый враг моего рода. Сегодня ночью я отоспал кормчего спать и сам встал к рулю. И наш драккар не повернулся вместе с остальными ладьями на восток, а пошел мимо Зингары к Барахским островам. И теперь под ногами у нас земля проклятого Этьера. Считается, что остров принадлежит зингарской короне, но барон Этьерский терпеть не может, когда ему об этом напоминают.

Близился рассвет, но и без лучей солнца на берегу было светло, как днем. Одна за другой лопались тали, канаты корчились, точно брошенные в огонь змеи. Клочья горящей парусины падали, крутясь, в море, иные долетали до Хорга и его маленького войска. Вот занялась пламенем большая ивовая корзина на топе мачты – укрытие лучника в бою – и развалилась в считанные мгновения.

– Все харчи сгорят, – посетовал гандер рядом с Конаном. – Иди теперь в драку не жравши...

– Там! – рявкнул вожак, простирая могучую длань в сторону темного зубчатого силуэта. – Там, волки, вы скоро наедитесь сырого мяса и напьетесь эгерьской крови. Либо шелудивые псы, которые прячутся за этими стенами, полакомятся нашей требухой. Они ненавидят мой род и в плен никого не возьмут. Полвека назад на этом острове погиб мой дед, а в позапрошлом году мой младший брат вернулся отсюда с гниющей раной на бедре и не протянул даже двух месяцев. И вот настал день мести! Я верю в победу, герои! Верьте и вы! Там, – снова рука поднялась в сторону крепости, – нас ждут люди, которые только с виду похожи на мужчин. Они давным-давно не казали носу из своей цитадели, они забыли, что такое честная драка. Эти псы настолько уверовали в свою безопасность, что от скуки вцепились друг другу в глотки. Барон Эгерьский, за неимением других развлечений, обзавелся привычкой жарить подданных на кострах. Его народ запуган, многие, чтобы сберечь свою шкуру, бежали с острова. Поглядим, захотят ли остальные ради него подставить черепа под наши топоры. За мной, кровожадные акулы северных морей! И да примут Серые Равнины павших, и да будет выжившим дарована победа! Он поднял огромный двуручный меч, ткнулся усами в испещренную рунами сталь и, гордо вскинув голову, широким шагом двинулся к крепости. Взвалив на плечи секиры, следом затопали его коренастые родичи. А за ними гурьбой побрали ватажники, бормоча ругательства и даже не помышляя о построении в боевые порядки.

* * *

Громадная нога в сапоге из тюленьей кожи наступила на лицо поверженного врага. Раненый захрипел и умолк – силач Хорг одним легким нажатием на рукоять меча отделил ему голову от тела. Наклонившись и подняв за длинные волосы свой кровавый трофей, Хорг поглядел в мертвое лицо с приплюснутым носом, выдающимися надбровными дугами, широкими скулами, глубоко посаженными глазами и массивным, но сильно скошенным подбородком. И заключил:

– Пикты. Наемники.

Впервые Конан увидел ухмылку на физиономии этого мрачного воина. Вокруг гомонила ободренная первой – и легкой – победой дружина. Убитых и раненых ватажников можно было сосчитать по пальцам. Собственно говоря, погибли самые слабые и малоопытные из новичков, те, кого ваны, жившие исключительно разбоем и ратной службой, называли «тонконогими». Сокрушаться об их гибели было не принято. Лег костьми в первом же бою – значит, судьба не сложилась.

Пиктов полегло гораздо больше, чем ватажников, остальные вместе со своими командирами из эгерьцев рассеялись по острову и возвращаться, чтобы вновь помериться силами с пришельцами, явно не собирались.

— Что я вам говорил? — Хорг отшвырнул голову и вытер о кожаную штанину окровавленные пальцы. — Деспот не надеется на своих людей, он бросил против нас диких пиктов. Они, конечно, вояки смелые, но где им тягаться с настоящими бойцами! А когда здесь был мой брат, он не успел даже высадиться из струга. Старый барон Эгъерский ударили тяжелой пехотой, потом выдвинул лучников, а когда из ворот повалила конница в стальных доспехах, брат приказал грести от берега. Он потерял больше половины дружины, даже не подступив к цитадели! Где они, эти лучники, где бесстрашные пехотинцы, где грозные всадники? Готов побиться об заклад, они казнены или мыкаются на чужбине.

Словно в опровержение его слов, крепость разомкнула бронзовые челюсти ворот и исторгла колонну всадников. Они прогремели копытами по булыжной мостовой и развернулись веером перед строем ванов, киммерийцев, асов, боссонцев — разношерстной дружиной Хорга.

— Их не больше сотни! — ободряюще крикнул великан своему вмиг приунывшему войску. — И это все, что осталось у барона за душой.

Конан не разделял его оптимизма. Ворота затворились, едва выпустили конницу, а значит, даже при успешном исходе сражения ватаге, то бишь ее жалким остаткам, еще предстоит штурм высоких стен. Нет, этот Хорг — настоящий берсеркер, из тех, что жрут ядовитые грибы перед битвой. Или то жгучая жажда мести обварила ему мозги.

«У него свои счеты к барону, — сказал себе Конан, — но мы-то здесь при чем? Почему я должен гибнуть по прихоти какого-то безумца, к тому же вана?»

Ваны были исконными недругами киммерийцев. Не раз доводилось Конану мериться силой с соплеменниками Хор-га. Еще не потускнели в его памяти кровавые пятна на слепящей снежной белизне, еще звенел в ушах надменный смех дочери Имира... В той войне его род победил, но только чудом душа Конана не досталась богам ледяных пустынь. И вот судьба вновь свела его с гордыми и стойкими северянами, однако на сей раз он сражается на их стороне.

Его заманили сюда обманом. Что плохого сделал Конану барон Эгъерский, ради чего он должен сражаться с этими всадниками и погибнуть? Ради чести воина? Но о какой чести может идти речь, если его самого только что предали те, кого он считал своими товарищами по оружию? Конан не почувствовал, как его пальцы с хрустом суставов сжали рукоять меча. «Мерзавец! — подумал он, глядя на Хорга. — Пригнал нас на убой, как скотину!»

Хорг резко обернулся к нему, и Конан запоздало сообразил, что произнес эти слова вовсе не про себя и даже не шепотом.

— Киммериец, не время чесать язык, — прорычал исполин. — Вот будем в этих стенах, тогда и поговорим по душам. У тебя нет выбора, храбрец. Я знаю твою породу, ты настоящий воин и раб чести. Ты не бросишь в бою своего командира, даже если он плонет тебе в лицо. Но зато после драки обязательно захочешь пустить ему кровь. — Хорг криво улыбнулся Конану и подмигнул.

«Он прав, — подумал киммериец. — Коней на переправе не меняют».

— Ошибаешься, Хорг, — с изумлением услышал он собственный голос. — Я пущу тебе кровь сейчас.

Не веря своим глазам, он смотрел, как его правая рука поднимает меч. На огромном усатом лице Хорга появилась глубокая досада. Он не любил, когда рушились его планы.

— А, продажная душонка! — воскликнул он, указывая на Конана. — Скорее убейте мерзавца! Если эгъерцы решат, что среди нас есть трусы — они осмеллеют. И тогда нам точно

несдрововать.

К удивлению Конана, на него бросились не родичи великана, а воин, который сокрушался о сгоревшей вместе с драккаром еде, и двое асов. Вероятно, логика Хорга их убедила. В тот же миг ринулась в атаку и эгерьская конница. Конан сражался, как в бреду, что-то кричал, уворачивался, нападал, отступал. Вздыпался и опускался меч, мелькали перекошенные яростью бородатые лица, разлеталось лязганье оружия о рогатые шлемы, брызгала кровь. Конан ловко отразил удар и наотмашь рубанул по ногам противника. Опытный и ловкий ван подпрыгнул, но недостаточно высоко. С разрубленной стопой он повалился навзничь, но уже не киммериец, а красивый эгирский всадник отправил его душу на Серые Равнины. Но всадника длинным, как оглобля, мечом снес с седла Хорг.

Ватажникам, напавшим на Конана, было уже не до него. Он оказался в кольце всадников с копьями, но больше никто не пытался его убить. Внезапно кольцо разомкнулось, и Конан увидел перед собой Хорга. Исполин его тоже заметил и с яростным ревом бросился в атаку, а Конан, надсаживая горло и легкие, понесся навстречу. Только ненависть, утроившая силу мышц, помогла киммерийцу выдержать град чудовищных ударов. Под тяжелым рунным клинком смялся наплечник, в плече Конана вспыхнула боль – не сломана ли ключица? Но на лбу Хорга уже пролегла длинная рана, кровь заливалась ему глаза, и каждый удар страшного меча приходился в пустоту.

И вот – роковой выпад. Точный и молниеносный, как укус змеи, знающей, что второго шанса враг ей не даст. Великан охнул и повалился на колени.

– Мой дед, – произнес он слабеющим голосом, – и младший брат. А теперь и я... Но в моем роду еще есть мужчины. Они придут... и воздастся проклятой земле...

Он стал клониться вперед и ткнулся лицом в сапог Конана. Киммериец отступил от мертвеца и огляделся.

Северяне, потеряв вожака, обратилась в бегство, всадники настигали и убивали их одного за другим. И по-прежнему никто из эгерьцев не пытался напасть на Конана.

Их командир сделал жест ординарцу, тот спешился и подвел к Конану скакуна. Едва киммериец, на чьем лице отражались недоумение и горечь, взялся за повод, у него подкосились ноги, перед глазами расплылись темные пятна. Вороной заржал, и Конан, вися на поводу, сообразил, что причиняет ему боль. Ему едва хватило сил отпустить повод, а затем поле битвы утонуло во мраке.

* * *

Его обнимали. Его качали. Егосыпали цветами. Защитники острова поздравляли Конана и друг друга с победой.

Вместе с толпой горожан рослый киммериец шагал по мощенной булыжником главной улице города. Едва он оказался за воротами, острый глаз воина отметил полное отсутствие резерва. Только на стенах маячили редкие лучники. Да, барон бросил в бой с северянами все свои скучные силы. И не перейди Конан в решающий момент на сторону эгерьцев, у Хорга был бы шанс победить.

Но теперь Хорг – добыча воронья на чужой земле. Впрочем, никакой другой смерти он, наверное, и не желал себе. Скоро великан будет пировать с богами на Серых Равнинах, внимать сагам, сложенным в его честь скальдами, и, быть может, простит предателя Конана,

который сам не ведал, что творил...

Проклятые колдуны! В этом мире все зло – от них. Киммериец скрипнул зубами, озирая лиющую толпу, пытаясь узнать в ней того, кто же навел чары, принудившие его к измене.

А потом он сказал себе, что наемнику, по большому счету, все равно, на чьей стороне воевать. Похоже, на этом острове его считают героем. Возможно, здесь его ждут почести и слава, а это не так уж и плохо.

Зазвучали фанфары, и вмиг затихла толпа. Потом замолкли и трубы. В мертвыйтишине к Конану приблизилась группа нарядных всадников.

– Я первый сановник барона Эгъерского, – представился худощавый узколицый старик в темно-синем плаще.

Кратко поблагодарив Конана за «содействие», он сообщил, что почетному гостю на завтра назначена аудиенция у барона. Кавалькада повернула и скрылась из виду, а воины из городской стражи повели Конана к лучшему постоялому двору.

По пути Конан с любопытством всматривался в лица жителей. Они были похожи на зингарцев, но по многим чертам угадывалась примесь пиктской крови. Горожане смеялись и улыбались, но лишь когда на них падал его взгляд. Стоило отвернуться, и улыбки точно ветром сдувало, возвращалась мрачная озабоченность. От такого контраста у Конана мороз шел по коже. Но на своем недолгом веку он повидал немало племен и народов, и все они были непохожи один на другой. Возможно, тут нечему удивляться...

А потом он увидел виселицы. Длинные шеренги нехитрых, но грозных деревянных сооружений пообочью улицы. До самого дворца.

– Что-то их тут многовато, – произнес он, указывая на виселицы стражникам. Те переглянулись и не ответили, но один из них, как показалось Конану, испуганно втянул голову в плечи.

Они свернули в переулок. Вот и постоялый двор. Не бог весть что, но Конан знал и похуже. Видно, городок этот не из самых богатых, – вот почему, наверное, Хорг так и не сумел привести на этот остров всю эскадру морских разбойников. Они предпочли искать поживу на берегу Зингары.

Владелец подворья тоже не поддался на расспросы Конана.

Стражники ушли, Конан воздал по заслугам свежеприготовленной пище и весьма недурному вину, а затем поднялся к себе в комнату, упал на скрипучую деревянную кровать и решил спать. Но сон не шел. Обуревали мысли о только что произошедшем. Об измене. О гибели тех, кто считал его своим товарищем. Конан твердо знал: будь он в здравом уме и твердой памяти, он бы никогда так не поступил. Не повернул бы меч против своих.

А значит, он был прав и в том бою не обошлось без магии...

Дверь отворилась. В проеме стояла скромно одетая, но удивительно красивая молодая женщина.

«Награда для героя», – подумал Конан, и его губы дрогнули в невеселой ухмылке. Он жестом предложил гостью войти.

Разговор завязался легко. Красавица держалась свободно, очень скоро она оказалась у Конана на коленях и, обнимая за шею, поведала свою нехитрую историю. Вот уже пять лет она – вдова солдата. У нее было много мужчин, но никогда она не встречала такого храбреца, как Конан. Она наблюдала за сражением с крепостной стены и полжизни бы отдала за еще одно подобное зрелище. А то в городишке такая скучная, пресная жизнь...

– А тем, для кого предназначены виселицы, она тоже кажется скучной и пресной? –

поинтересовался Конан.

Вместо ответа красавица одарила его долгим и умелым поцелуем.

– На завтра, – произнес он, лаская ей грудь, – я приглашен к барону. Ты не расскажешь, что он из себя представляет? А то как бы мне впросак не попасть.

Гостья часто задышала, потом с тихим стоном выгнулась в его руках. И ответила не раньше, чем прошел спазм наслаждения.

– Он здесь недавно. Приплыл из Кордавы, столицы метрополии. Он – опальный родственник зингарского короля. Должно быть, в печенках засел у своей августейшей родни, вот его и спровадили сюда, в эту никчемную крепость на краю цивилизованного света, – пускай, мол, тут вволю нянчится со своими причудами и независимым нравом. До недавнего времени в Эгье правила добрый старичок, его все любили. Хозяин он был никудышный, зато хорошо знал ратное искусство и вдребезги разбил бандитов-ванов, за это они поклялись ему отомстить. Новый же барон умеет воевать только с колдунами. Едва поселился во дворце, учил охоту на ведьм и очень в этом преуспел. Теперь мы следим друг за другом, играем в веселую и увлекательную игру «донеси первым», и каждый день перед дворцом казнят двух-трех бедолаг. Все бы ничего, да вот только население сокращается... и вообще мельчает народ. Шуточное ли дело – каждый день трястись за свою шкуру, ждать, когда тебя обвинят в чародействе?

Гостья говорила бодрым тоном и улыбалась, но Конан понимал, что ей не до веселья. Он стал целовать ее в шею, уже не боясь, что она замолчит. Она не отвечала на ласки. Только рассказывала:

– Сначала ведьм и колдунов прилюдно сжигали, а потом стали попросту вешать – их оказалось слишком много. Теперь здесь никто никому не верит, много людей сбежало с острова, а остальные влачат полуголодное существование. К нам перестали ходить торговые суда после того, как одного мессантского шкипера изобличили в колдовстве и вздернули. А у него только и было что пару странных корабельных приборов! У нас был один-единственный астролог, но позавчера казнили и его. Баронглядел в его ремесле намек на колдовство. Что уж тут говорить о знахарях и гадалках... Их переловили в первые же дни.

– А почему не боишься ты? – спросил киммериец.

– С чего ты взял, что я не боюсь? – Изящные руки, знающие толк в любовном искусстве, обвили широкие плечи Конана, и ему стало не до расспросов.

* * *

День перешел в вечер, а вечер в ночь. А когда поутру Конан проснулся, женщины, которая подарила ему упоительные мгновения, в комнате не оказалось. Он спохватился, что даже не узнал ее имени.

Киммериец умылся, оделся, спустился в трапезную, поел и отправился на аудиенцию.

Снаружи дворец казался хмурым, стражники смотрели на чужестранца негостеприимно. Но приняли его с подчеркнутой вежливостью и провели в церемониальный зал. На роскошном позолоченном кресле, очень и очень напоминающем трон, восседал барон в песцовой мантии, в ногах у него, прямо на мраморном полу, примостился на корточках шут.

Прекрасное настроение барона (показное или искреннее – определить было

невозможно) диссонировало с мрачностью окружения. Он дружелюбно встретил Конана, усадил в мягкое кресло, велел слугам подать вина и фруктов и засыпал вопросами.

В его тоне, в каждом его движении сквозило радушие. И гостю он сразу пришелся по душе. Отчасти потому, быть может, что внешне был похож на Конана – такой же высокий, широкоплечий, с длинными черными волосами, вот только глаза у него были не синие, а карие с янтарным отливом.

Шут прижался спиной к ножке позолоченного кресла и, шаржируя барона, изображал гостеприимство. Он был молод, почти мальчик, но в глазах светились ум и хитрость, черты лица были тонкие, аристократичные. Даже когда он смеялся, лицо оставалось злым. Из-под дурацкого колпака на грудь струились длинные шелковистые черные волосы. Одет он был, как подобает шуту.

Барон сказал, что он видел сражение. Что преклоняется перед героизмом Конана, что только благодаря ему защитники острова одержали победу.

– Времена сейчас нелегкие, – добавил барон. – Мне приходится воевать не только с внешними, но и с внутренними врагами. И хотя я сражаюсь за правое дело и, хвала богам, одерживаю победу за победой, мне остро не хватает надежных людей, испытанных рубак. Я нанял на службу отряд пиктов, они были весьма храбры в городских тавернах, но ты сам видел, Конан, чего они стоили на поле брани. Сегодня ночью мои люди сбились с ног, вылавливая этих трусов по всему острову. Следовало бы их вздернуть, но я не буду этого делать – не хочу омрачать торжества. К тому же, они ведь не колдуны, а просто невежественные дикари. Дам пиктам две-три старые лодки, и пусть убираются на все четыре стороны.

Шут оторвал спину от ножки кресла и стал, кряхтя от притворной натуги, грести невидимыми веслами. Внезапно он забил руками по «воде», разевая рот в безмолвных криках о помощи, и в конце концов затих на «дне».

– Конан, – проникновенно сказал барон, – если ты согласишься, я готов поставить тебя главнокомандующим над моими войсками.

Шут резко поднял голову и бросил на первого сановника настороженный взгляд. А тот стоял в отдалении и хмуро внимал своему повелителю. От Конана не укрылось, как поджались его губы, когда прозвучало слово «главнокомандующий». Лица стражников ничего не выражали, они стояли, точно гранитные истуканы, и оставалось лишь гадать, в чем истинная причина такой выдержки – в страхе перед скорым на расправу бароном или просто в хорошей выучке. Шут, словно уловив интерес Конана, встал, подошел к ним и больно ущипнул одного за ногу, а другого уколол булавкой в бок. Воины оставались невозмутимы – ни один мускул не дрогнул.

– Это очень лестное предложение, месьор, – отозвался Конан. – Но боюсь, я не смогу принять его вот так сразу. Мне бы хотелось подумать немного...

Барон милостиво дал ему срок до завтрашнего утра.

– А в чем, – поинтересовался Конан, – будут заключаться мои обязанности?

Шут, словно только и ждал этого вопроса, захихикал, подскочил к стражнику и накинул ему на шею невидимую петлю. И резко «затянул» ее. К изумлению Конана, «гранитный истукан» захрипел, выпучил глаза и высунул язык. По всей видимости, стража в этом дворце и впрямь была превосходно вышколена.

– Защищать остров, – медленно, со значением проговорил барон, – от врагов.

– От внешних или внутренних? – пожелал уточнить Конан.

Шут одарил его кривой улыбкой, перебежал ко второму стражнику, бросил к его ногам несколько «охапок хвороста», а затем «факел». Воин замахал руками, задергал головой, стал корчиться в языках незримого пламени.

— Странный вопрос для военачальника, — заметил барон и повернулся к первому сановнику. — А ты как бы ответил на моем месте?

— Осмелюсь напомнить моему господину, — угрюмо произнес человек в темно-синем плаще, — что сегодня утром он отправил на городские улицы и площади герольдов с известием, что казней больше не будет. С колдунами и ведьмами на этом острове покончено, это ваши слова.

— Ну, конечно! — Барон жизнерадостно улыбнулся. — Мы одержали победу, да будут отныне и во веки веков мир и процветание. Но одних герольдов мало, чтобы избавить мой народ от страха. Отряди плотников с топорами, пускай порубят виселицы на дрова. А если после этого кто-нибудь явится во дворец с доносом, распорядись, чтобы ему вместо денежного вознаграждения дали полсотни плетей. — Он повернулся к Конану. — Полагаю, это можно считать исчерпывающим ответом на твой вопрос.

— Да, месьор. — Конан коротко поклонился.

В этот момент распахнулась высокая створчатая дверь, и в церемониальный зал вошла красивая темноволосая женщина.

— Госпожа моя, — насмешливо обратился к ней барон, — позволь представить тебя моего будущего воеводу.

От неожиданности Конан обмер. Он сразу узнал женщину, с которой только что провел незабываемую ночь. Так она — жена барона?!

Но красавица не подавала вида, что они знакомы. Да нет же, он не мог обознаться!

Она вежливо улыбнулась Конану и повернулась к супругу. Точно такая же улыбка мелькнула и на лице шута. Такая ли? Или таящая гораздо больший смысл?

Скрывая неловкость, Конан поспешил откланяться. Барон повторил, что ждет его завтра утром с ответом на предложение.

— Соглашайся, юноша, не пожалеть, — молвила на прощание Конану баронесса. — В твои годы стать командиром нашего героического гарнизона — неплохое начало карьеры.

Издевка предназначалась не ему, сразу сообразил Конан. Мужу. Он вспомнил слова этой женщины, сказанные ему вчера вечером в гостинице. Она ненавидит барона, подумал он. За что? Уж не за то ли, что он не прижился при пышном дворе зингарского короля и привез ее в этот забытый богами уголок земли?

* * *

Когда киммериец покидал дворец через калитку в воротах, кто-то из провожавших подскочил и дал ему пинка. Конан развернулся в прыжке и занес кулак для удара, но обидчик успел скрыться за калиткой. Мелькнул только край алой накидки.

Шут, решил Конан. Ах ты, маленькая bestия!

Он не стал ломиться в ворота, чтобы расправиться с наглецом. Побоялся выставить себя на посмешище. У новоявленных героев всегда вдоволь завистников и недоброжелателей.

Он вернулся в гостиницу и, не представляя, как еще убить время, потребовал вина. В трапезной было пусто. Владелец гостиницы сам принес кувшин и кружку, молча поставил

перед Конаном и удалился на кухню. Неулыбчивые подданные и веселый король, подумал киммериец. Издалека доносился стук топоров – плотники уже приступили к работе.

«Самые тяжкие беды миновали, – мысленно обратился он к жителям этого города. – А впереди, если верить барону, – счастливые времена».

Он сидел в глубокой задумчивости, облокотясь на стол и опустив лицо на ладони. Станный остров. Здесь баронессы ведут себя, как шлюхи, а шуты смахивают на колдунов. На колдунов? Те стражники во дворце, что участвовали в пантомиме... казалось, им не было нужды притворяться. Как будто они по-настоящему испытывали муки казненных.

Конан оторвал ладони от глаз и вздрогнул от неожиданности. Через два столика от него сидела баронесса. Вновь на ней было платье обычной горожанки. Владелец гостиницы вернулся в трапезную, узнал, что посетительница ничего не желает заказывать, и сразу потерял к ней всякий интерес.

– Поднимемся наверх? – вполголоса предложила она Конану. – У этих стен есть уши.

Они перешли в комнату Конана.

– Ты на самом деле баронесса?

– На самом деле.

– А не боишься, что тебя здесь увидят?

– Я умею замечать следы.

– Зачем ты пришла?

– Ты мне нравишься.

Уму непостижимо, подумал Конан.

– Ты жена барона Эгьеरского, – сказал Конан, – владыки этого острова. У тебя есть все: красота, богатство, власть, барон, в конце концов. Зачем тебе понадобился я, нищий бродяга без рода, без племени?

– Ты покорил мое сердце. – Она улыбнулась.

– Я, между прочим, серьезно!

– И я серьезно. – Она топнула ногой. – Помолчи и послушай, когда с тобой разговаривает... – Баронесса осеклась, и только теперь Конан заметил, как она взволнована: глаза блестят, щеки пылают, руки не находят себе места.

– Я ненавижу барона. Он безумец, одержимый навязчивой идеей. Он в каждом подозревает чародея. Он превратил благополучный город в огромную тюрьму, а его жителей – в бесхребетных слизняков и бессовестных доносчиков. Я больше не могу спокойно смотреть, как гибнут или опускаются до скотства мои сограждане. Я убью барона. А ты мне в этом поможешь.

– Я?!

– Завтра утром у тебя будет великолепный шанс. Когда барон дает аудиенцию, в церемониальном зале находятся всего два стражника. Конечно, там еще будет шут и, возможно, первый сановник. Я уверена, на этот раз у тебя даже не отберут оружие. А если и отберут, ты сумеешь завладеть мечом кого-нибудь из солдат. Или даже свернуть барону шею голыми руками. Уж я-то знаю, какой ты силач. – Красавица окунула Конана восхищенным взглядом. – Один-единственный удар мечом, об остальном позабочусь я. И ты получишь все, о чем ни попросишь. Подумай, Конан, и скажи «да».

– А как же дворцовая стража?

– Как только барона не станет, стража подчинится мне. Там есть люди, которые не в восторге от своего повелителя...

«Твои любовники?» – хотел спросить Конан, но вовремя прикусил язык.

– … И они меня не подведут. Мы будем править вместе, Конан. И снимем оковы с этого несчастного города. Он слишком долго страдал под пятой безумца и заслужил помилование. – Она в упор посмотрела на киммерийца.

– Мы?

– Конечно. Мы с тобой. Я займу место покойного супруга, а ты будешь первым сановником. Или главнокомандующим… да кем пожелаешь.

«Хоть шутом», – подумал он и невесело ухмыльнулся.

– Я уже точно знаю, чего не желаю. Мне не хочется стать жертвой дворцовых интриг. Я воин, милая моя. И лучше погибну на поле брани, чем стану дожидаться, когда меня зарежет, как гуся, придворный палач.

– Этого не случится, – с уверенностью сказала баронесса.

– Откуда ты знаешь? Ты что, ясновидящая? – Конан схватил баронессу за плечи и встряхнул, отчего ее высокая затейливая прическа рассыпалась и густые волнистые волосы заструились вдоль тела, повторяя его очертания. Зрелище было довольно волнующим, но в свои двадцать с небольшим лет Конан научился не терять головы. Он хмыкнул и отвернулся.

– Значит, ты не согласен? – Голос женщины дрожал, но вовсе не от страха.

– Красавица, я, конечно, кидаюсь иногда по запальчивости на своих командиров, но я еще не окончательно сошел с ума. – Конан усмехнулся. – Клянусь Кромом, мне больше по душе предложение твоего благоверного.

Лицо баронессы исказилось таким неукротимым гневом, что Конан поежился. Казалось, еще мгновение, и она бросится на него с кулаками.

– Ну что ж, киммериец, сегодня ты сделал свой выбор, – процедила она сквозь зубы. – Гляди, как бы завтра не пришлось пожалеть. – Она повернулась на каблуках и быстро вышла из комнаты.

– Вот завтра и погляжу, – проворчал Конан.

Он поскучал у окна, затем решил спуститься в трапезную и возобновить приятное занятие, от которого его отвлек внезапный визит супруги правителя.

* * *

В разгаре погожего утра Конан вновь приблизился к воротам резиденции барона. Нельзя сказать, что киммериец провел бессонную ночь за раздумьями – остаток вчерашнего вечера он убил, слоняясь по городу и заглядывая в каждый кабак, что попадался на пути. Нет, ответ на предложения барона и баронессы родился сам собой, вернее, его подсказали интуиция и инстинкт самосохранения.

Конан решил при первой возможности убраться подальше от этого мрачного острова. Не по душе ему дворцовые интриги, заговоры и охота на чародеев. Он не жаловал колдунов и ведьм (слишком часто доводилось с ними встречаться, и слишком редко эти встречи доводили до добра), но истреблять их, как бешеных собак… Да и вряд ли все эгерьцы, казненные по приговору жестокого барона, при жизни баловались магией. Наверное, баронесса сказала правду: большинство из них – ни в чем не повинные обыватели, схваченные и повешенные по навету своих недругов.

Куда интереснее и веселее махать мечом в хорошей драке, сказал себе Конан. Он уже

присмотрел легкое и прочное на вид рыбакское суденышко в небольшой бухте, обнесенной, как и город, крепостной стеной. Украдь его будет нетрудно, вот только проскользнуть за морские ворота – посложнее. Ничего, как дойдет до дела, он что-нибудь придумает. Но лучше, конечно, если барон отпустит его с миром. Скорее всего, так и случится, ведь Конан, что ни говори, спас ему жизнь. К тому же он ведь не колдун, а простой воин, из тех, кто, как говорится, с острия меча ест, из шлема запивает, седло под голову кладет, а щитом укрывается.

Может быть, барон другую награду предложит? Вместо высокой, но, увы, слишком уж обременительной должности? Всерьез на это рассчитывая, Конан шел на аудиенцию с легким сердцем.

При его приближении насупленные стражники отворили калитку в створке ворот, и Конан, как и днем раньше, оказался в небольшом мощеном дворе, среди десятка, если не больше, вооруженных до зубов солдат – кто играл в кости на мраморных скамьях, кто скучал у фонтана, а кто просто слонялся без дела.

Конан искренне пожалел этих здоровых, крепких парней. Конечно, хорошо иметь верный кусок хлеба, но стоит ли ради такого пустяка на всю жизнь впрыгаться в солдатскую лямку? Да еще, как спущенные с цепи псы, кидаться на своих сограждан, которые чем-то не угодили повелителю. «Нет, – уже в который раз подумал Конан, – такой удел точно не для меня».

Анфилада парадных залов поражала роскошью, а численность караула наводила на мысль о готовящемся дворцовом перевороте. Войдя в очередной зал, Конан встретился взглядом с шутом – развались на бархатной кушетке и закинув ногу на ногу, тот праздно натирал лоскутом войлока свой бубенчик. Глаза его были задумчивы и злы.

– Его светлость тебя ожидает. – Шут нехотя поднялся, чтобы проводить Конана в церемониальный зал.

– Что-то ты, браток, – удивленно заметил Конан, – чересчур серьезен для шута. Где же твои хохмы?

– Ты мне за них не платишь, так что весели себя сам, – ядовито отозвался шут. Дурацкий колпак очень не шел к его худому лицу с длинным костищым носом и брезгливо оттопыренной нижней губой.

Конан промолчал. Пикироваться с бездарным и ненавидящим свое ремесло паяцем? Слишком многое чести.

Вот и церемониальный зал. Просторный, великолепно изукрашенный, роскошно обставленный, но все равно холодный и хмурый. Солнечный свет проникал только в узкие, наподобие бойниц, окна под потолком. Между величавых порфировых колонн в золоченом кресле восседал барон.

Конан вошел в зал следом за своим проводником и не удержался от ругательства – шут задел ногой несуществующий порог и растянулся на полу, и Конан, споткнувшись о него, едва не упал.

– О государь, тьма очей наших, – простонал шут, потирая ушибленную коленку, – нас постил визитом сам великий Конан.

Барон даже бровью не повел. Казалось, нагловатые и подчас двусмысленные остроты своего челядина он воспринимал, как сызмальства привычный стрекот сверчка или жужжение мухи. А шут, судя по его унылой физиономии и потухшему взгляду, вовсе не рассчитывал на отклик.

— Я ждал тебя. — Барон снова осыпал Конана комплиментами и осведомился о его решении. У каждой створки двери стояло по стражнику, справа от золоченого кресла, втянув голову в плечи, напряженно внимал разговору первый сановник с лицом землистого цвета, жидкими седыми волосами и бесцветными глазами. Эти глаза ни на миг не отрывались от Конана. Первый сановник ждал его ответа.

Конан поклонился и заговорил как мог почтительно. Конечно, для него, скромного киммерийского воина, очень лестно получить такое предложение от самого барона Этьерского, но...

И тут у него вдруг закружилась голова. И неукротимая ярость вмиг завладела мозгом, сердцем, каждым мускулом. Точь-в-точь, как тогда на берегу...

Будто во сне он видел меч в своей руке, искаженное страхом и изумлением лицо барона, шуга, который схватился за голову и юркнул под золоченое кресло. Еще миг, и киммериец пришипит барона к креслу, как бабочку. Но внезапно ноги точно свинцом налились, руки повисли, как плети, из разжавшихся пальцев выпал грозный клинок. Не в силах даже защититься, он увидел двух стражников, бегущих к нему. Его схватили за руки, повалили на пол. На вопли первого сановника в церемониальный зал сбежалась почти вся дворцовая стража. Конана быстро и умело связали, и вот он, еще не пришедший в себя, корчится на полу, а шут с лютой ненавистью во взоре попирает его ногой в остроносой матерчатой туфле.

С лица барона исчез страх, взгляд его был серьезен и задумчив.

— Развяжите его, — приказал он, когда Конан, осознав всю тщетность попыток освободиться, наконец утихомирился.

— Это неразумно, — возразил первый сановник. — Он покушался на драгоценную жизнь господина и по закону должен быть немедленно казнен.

— Закон на этом острове — моя воля, — отрезал барон. — Здесь не Зингара. Или ты этого еще не понял? Все прочь! Оставьте меня наедине с киммерийцем.

Стражники переминались с ноги на ногу, переглядывались в нерешительности.

— Но месьор... — залепетал первый сановник.

— Вон! Все! Пока я не распорядился построить новые виселицы! — Глаза барона метали молнии.

Здравый рассудок уже вернулся к Конану, и он был удивлен перемене, которая произошла с этим на первый взгляд хладнокровным человеком. Перепуганные стражники и первый сановник, пятясь, ушли из зала. Последним на цыпочках удалился шут и затворил за собой дверь. Конан, освобожденный от пут, лежал на полу, невдалеке валялся его меч. Пока киммериец вставал, барон приблизился к мечу, поднял и протянул тому, кто его только что едва не убил.

— Я не верю, что ты действительно хочешь моей смерти, — медленно проговорил он. — Ты должен рассказать всю правду.

Конан изложил все по порядку, не надеясь, что барон поверит в его наваждения. Случившееся ему самому казалось непостижимым, чего уж тут ожидать от человека, которого он только что едва не отправил на Серые Равнины? Но барон выслушал его внимательно и ни разу не перебил.

— Я знаю, что у меня есть тайный враг или враги среди близких людей, — произнес он по некотором размышлении. — Пока я очищал город от скверны, измена свила гнездо в моем дворце. Уже месяц я получаю косвенные доказательства... А теперь уверен еще и в том, что злоумышленники владеют магией. Колдуны — мои злейшие враги, и я их выведу на чистую

воду. Я дал клятву богам истребить всю нечисть на этом острове и не отступлюсь от своего слова!

Барон сложил руки на груди и застыл посреди зала. От него веяло решимостью, и Конан поневоле восхитился мужеством и непреклонностью этого властелина. На острове вряд ли найдется человек, не желающий ему смерти, но барон упорно сражается один против всех во имя лишь ему понятной цели.

— Я не готов встать под твои знамена, но если способен чем-нибудь помочь, только скажи. — Конан, движимый внезапным порывом, посмотрел барону прямо в глаза и заговорил с ним просто, как воин с воином. — Я на твоей стороне. Ненавижу колдунов! Только победа в честной борьбе достойна уважения. К магии же прибегают только лживые, трусливые негодяи. И поэтому буду говорить начистоту. Нравится тебе это или нет, но я уверен, что без твоей жены здесь не обошлось.

«Кром! — воскликнул он мысленно. — Что я делаю? Или опять — наваждение?»

В этом Конан не был на сей раз уверен. Ему казалось, что он поступает правильно.

Барон удивленно поднял бровь.

— Моя жена? Да ты, верно, не в своем уме!

— Она мне предложила убить тебя. Пронзить мечом на сегодняшней аудиенции. Но я отказался, и тогда она, похоже, решила меня заставить... посредством магии. — Пытаясь добавить убедительности своим словам, Конан вновь перешел на торжественный придворный тон: — Месьор должен поверить, она очень опасная женщина.

Карие глаза увлажнились, на волевом лице застыла печаль. Барон долго молчал, а потом заговорил тоскливым, сдавленным голосом:

— Я не спрашиваю тебя, Конан, где, когда и при каких обстоятельствах ты успел переговорить с баронессой. — Он тяжело вздохнул и ссутулился, ладони прижались к глазам. Казалось, за эти мгновения он постарел лет на десять. — Соглядатаи и доброхоты не единожды доносили, что она неверна мне, но я не желал этому верить. Конан, ты нанес мне роковой удар! Я люблю баронессу... Я жизни ради нее не пожалел бы. И потому должен знать всю правду. Если я ее уличу в колдовстве, сожгу на площади, как ведьму! — Его кулаки сжалась, в глазах сверкнул огонек безумия.

— Сегодня ночью, когда все улягутся спать, — продолжал он, — мы с тобой осмотрим дворец. Заглянем в каждую комнату, в каждый чулан, проверим чердак, подвалы и клети. Во что бы то ни стало надо найти логово, где колдунья прячет свои снадобья. Баронесса редко покидает дворец, и каждый раз стража докладывает мне об этом...

«Вот как? — подумал Конан, — А вчера и позавчера ему тоже докладывали?»

— Так что потайная комната, где она колдует, должна находиться где-то здесь, во дворце. У нас впереди трудная ночь, тебе надо отдохнуть.

* * *

Остаток дня Конан провел в дворцовой оружейной. Мечи, арбалеты и секиры работы прославленных мастеров заслуживали высшей похвалы. Конан так увлекся изучением фамильной коллекции барона Эгъерского, что даже слегка расстроился, когда в комнату бесшумно вошел хозяин дворца.

— Нравится? — с улыбкой поинтересовался барон.

— Здесь все сокровища мира. Барон рассмеялся.

— Ну, если оружие еще кому-то нужно, значит, в мире немало других сокровищ. Возьми, что тебе больше всего нравится.

Повторять не пришлось. Конан взял двуручный меч Хорга — неимоверной длины клинок в жутких зазубринах и пятнах засохшей крови, под которыми исчезли чуть ли не все руны. С тех пор, как этот меч покинул кузницу, его ни разу не вострили и не чистили. Он был не столько боевым оружием, сколько реликвией рода, а реликвия всегда тем ценнее, чем больше сохранила следов легендарных событий.

Лишь на миг в глазах барона появилось сожаление. Затем он кивнул.

— Твой трофей. Забери его, Конан, он тебе принадлежит по праву. Но мне бы не хотелось, чтобы он вернулся в Ванахейм.

— А если я возвращу его клану Совиной Глаз от твоего имени? И передам, что Хорг сражался, как подобает герою, и с честью ушел на Серые Равнины? И что ты и твой народ преклоняешься перед его мужеством и отвагой и горько сокрушаешься, что вынуждены проливать кровь таких удивительных людей? Ведь, насколько я понимаю, не вы их, а они вас считают своими кровными врагами? Я хорошо знаю ванов, барон. Мы, киммерийцы, живем с ними бок о бок и воюем, сколько себя помним. Это жестокий и драчливый народ, но он падок на лесть. Мы это давно поняли и в трудные времена, когда у нас маловато силенок, всегда находим способы замириться с соседями.

Барон выслушал с явным недоверием, но, подумав немного, просиял и хлопнул Конана по плечу.

— Мой друг, зачем ты носишь доспехи? Язык тебе заменит любую броню, ведь ты прирожденный дипломат. Заманчивое предложение, я над ним обязательно поразмыслю.

— Благодарю, месьор.

«Вот он, мой ключ к свободе», — сказал себе Конан, опустив ласковый взгляд на меч Хорга.

— А теперь — к делу. Надеюсь, Конан, ты еще не забыл, что утром предлагал свою помощь?

* * *

Они покинули оружейную палату и начали обыск дворца с левого флигеля. По сравнению с обычными городскими постройками дворец был поистине роскошным. Правда, снаружи грязно-серое здание выглядело невзрачным, как тюрьма, и было очень нелегко предположить, что внутри скрывается такое великолепие. Конан едва удерживался, чтобы не стащить какую-нибудь безделушку с каминной полки. Нет, ни за что! В жизни ему нередко доводилось воровать, иногда — из озорства, чаще — по необходимости, но никогда он не крал в доме, где его принимали, как своего.

Конан лёгонько щелкнул по носу эбеновую статуэтку обнаженной красавицы и зашагал дальше.

Они долго петляли по узким коридорам и винтовым лестницам. Все дальше и дальше уходили от обитаемой части дворца. Уже совсем стемнело; в одном из залов пришлось взять канделябры и запас свечей.

Древние статуи отбрасывали причудливые тени, прохладный сквозняк шевелил

златотканые гардины. Изредка попадался кто-нибудь из обитателей дворца, спешил поклониться барону и скрыться с глаз.

В левом флигеле и покоях баронессы они ничего не обнаружили. Конан заглянул в один из длинных коридоров и увидел быстро удаляющийся белый силуэт. Он бросился вслед.

Женщина в белых шелках шла очень быстро, удивительно легкой и плавной походкой, то и дело сворачивала в коридоры или исчезала за колоннадами, и легко ускользала от бегущего Конана. Но всякий раз он находил ее по громкому шелесту многочисленных юбок. Вот она уже в пяти шагах, в трех... Он вскинул и опустил меч, пригвоздив шлейф ее платья к полу. Но белый шелк, точно вода, обтек стальную препону, и незнакомка устремилась дальше.

Конан стоял, ошеломленно глядя на расколотую его клинком планку паркета. За спиной раздалось шумное дыхание барона.

— Я ее догнал, а она... Барон усмехнулся.

— Конан, если будешь гоняться за призраками, потратишь жизнь впустую. Это же правый флигель, их здесь тьма тьмущая.

Конан оглянулся. В погоне за белой дамой он пробежал изрядное расстояние. И непременно заблудился бы, если бы барон его не настиг.

Они стояли посреди круглого зала. От него расходились четыре широких коридора, между каждыми двумя в глубокой нише тонула дверь — вероятно, в небольшое помещение. Судя по затхлому воздуху, обиталище призраков почти не проветривалось, должно быть, слуги барона старались лишний раз сюда не заходить.

Конан окинул зал внимательным взглядом и заметил под одной из дверей полоску слабого света. Он повернулся к барону, но тот уже и сам увидел сияние. Они медленно подошли к двери, Конан наклонился и посмотрел в замочную скважину.

В комнате было тесно. Посередине стоял массивный стол, на нем горели три свечи в потускневшем медном канделябре. Все остальные вещи тонули в сумраке. Не обнаружив людей, Конан выпрямился и потянул на себя дверную ручку. Никого.

Он вошел в комнату, барон — следом. На столе вокруг канделябра стояли целые полчища склянок, глиняных горшочков, деревянных и керамических шкатулок, а также весы и прочие инструменты, которыми пользуются лекари, алхимики и чародеи. Отдельно рядом лежало с полдюжины пергamentных свитков. Огромные зеркала на стенах делали комнату значительно просторнее. В углу бронзовая кадильница на изогнутых ножках источала сладковатый дымок.

— Нашли наконец, — устало произнес барон.

— Гляди-ка, это что еще такое? — Внимание Конана привлекла черная прядь волос. Она лежала на золотом подносе и, по всей видимости, предназначалась для какого-то колдовского ритуала. Барон склонился над ней, затем выпрямился и остановил долгий взгляд на Конане.

— В чем дело, месьор?

— Конан, а тебе не кажется, что это из твоей шевелюры? Конан испуганно провел ладонями по своим длинным волосам, но тотчас спохватился и опустил руки. Барон улыбнулся.

— С такой-то буйной гривой легко не заметить пропажу.

— Это баронесса, — уверенно произнес Конан. — Она могла отрезать прядь, когда я спал... — Он смущился. — Прошу простить меня, месьор. Кажется, я что-то не то сказал...

Барон промолчал. Он выглядел усталым, даже изможденным. Он размышлял. В

неровном сиянии свечей поблескивала черная волнистая прядь.

— Я знаю, как выяснить, чьих это рук дело, — произнес он наконец.

— Как же?

— Ты, наверное, обратил внимание, что наши с тобой волосы очень похожи?

— Не сравнивал. Но, пожалуй, что-то общее и впрямь есть.

— Баронесса желает мне смерти. Не тебе, Конан, твоя жизнь для нее ничего не значит.

Просто она тебя избрала своим орудием. Первое покушение сорвалось, однако баронесса, возможно, готовит новую попытку.

— Но как же нам помешать ей?

— Я хочу положить прядь своих волос на место этой. Скорее всего, заклинание не подействует или подействует не так, как хочется ведьме. Но влияние чужих чар нельзя не ощутить. Только испытав на себе самое исходящее от нее зло, я смогу покарать ее, и совесть моя будет чиста. Но сердце... — Он тяжело вздохнул и понурил голову.

— Барон, но ведь это очень опасно! Она может сотворить с человеком все, что угодно. Заставить покончить с собой или еще что-нибудь...

— Вряд ли ей это удастся. Я буду начеку и в случае чего сумею за себя постоять.

— Но...

— Я так решил. Выди, Конан, и жди меня снаружи. — Барон потянулся к изящному кинжалу, который лежал на столе.

Конан покинул комнату и спрятался в просторной нише за яшмовыми изваяниями широкоплечего псоглавого воина с двузубцем в когтистых руках и охотничьей пантеры, лежавшей у его ног, — героев мифологии Зингары или острова Эгье. Чуть позже к нему присоединился барон.

Едва они успели задуть свечи, в конце коридора послышались легкие шаги. К круглому залу на цыпочках приближался человек в темном плаще до пят. Перед собой он нес свечу, но лица было не разглядеть, оно пряталось за капюшоном.

— Это она, — обреченно прошептал барон.

— Да, на привидение не похожа.

Человек в темном вошел в комнату и бесшумно затворил дверь. Подобно дикой кошке, киммериец подскочил к двери и осторожно потянул ручку на себя. Появилась узенькая вертикальная полоска слабого света. Человек, закутанный в плащ, стоял к Конану спиной и что-то быстро переставлял, передвигал, расстипал на столе.

Конан взглянул на барона. Тот тоже приник к дверному косяку и не отрываясь следил за злоумышленником. По его напряженному лицу пробегали судороги, но Конан пока не замечал явного влияния чародейства.

Конан переводил встревоженный взгляд с барона на его жену и обратно. Было мгновение, когда он едва не бросился на ведьму. Но барон, словно прочитав мысли Конана, удержал его властным прикосновением руки.

Тихое постукивание шкатулок и горшочков, позвякиванье склянок, шуршание пергамента, плеск жидкостей бесследно глохли в могильной тишине спящего дворца. Казалось, время застыло. Конан, всегда предпочитавший действие ожиданию, задыхался, как рыба на сушке. И вдруг нечеловеческая мука исказила благородный лик барона. Он схватился одной рукой за голову, другой — за сердце и повалился на пол. Глаза закатились, изо рта хлынула пена, тело скорчилось, руки и ноги задергались в конвульсиях.

Человек в плаще резко повернулся на шум. Конан был готов услышать пронзительный

женский визг, но из горла незнакомца вырвалось нечто совсем иное. Возглас удивления, а затем грубое мужское ругательство. Колдун резко отшатнулся и, споткнувшись о витую ножку кадильницы, потерял равновесие. С его головы слетел капюшон, и Конан узнал первого сановника. Недолго думая, киммериец схватился за меч.

«Барон убит! Барон убит!» – стучало в висках.

Конан был стремителен, как снежный барс в прыжке, но первый сановник обладал неоспоримым преимуществом – он знал дворец как свои пять пальцев, и ему в буквальном смысле помогали стены. Он ударил ладонью по едва заметному выступу на стене, и фрагмент зеркала повернулся на вертикальной оси, явив взорам темный проем потайного хода. Первый сановник бросился туда очертя голову, и зеркало в тот же миг встало на место.

Не сразу Конану удалось найти в полумраке выступ на стене. Ему бы, наверное, пришлось разбить все зеркала, если бы чародею хватило сообразительности задуть свечи на столе, перед тем как обратиться в бегство.

Потайной ход был просторен, но петлял и разветвлялся чуть ли не через каждые пять шагов. Однако беглеца выдавал стук каблуков по каменным плитам. Конану под ноги угодила просевшая плита; он споткнулся, упал на колени и выронил канделябр. Свечи потухли; возиться с огнем было времени. Он выругался – разумеется, про себя.

«Барон мертв! Барон мертв! Колдун, ты тоже умрешь!» – в такт шагам звенело у него в голове.

О, Кром! Нет ничего глупее, чем размахивать мечом в потемках. На очередном перекрестке Конан остановился, прислушался и почувствовал опасность. Первый сановник затаился в двух-трех шагах справа, он сдерживал дыхание, но Конан ощущал исходящее от него тепло. Он прыгнул вперед и описал мечом полукруг. Сталь встретила мягкое, податливое препятствие. Раздался болезненный возглас, за ним последовал глухой удар. Но разглядеть что-нибудь в кромешном мраке было невозможно, и Конан решил вернуться в комнату за свечой.

Там все было по-прежнему. Бездыханный барон лежал у порога.

– Я бы не стал рисковать жизнью ради лживой бабенки, – глядя на него, задумчиво произнес Конан. – Может быть, поэтому ты барон, а я – простой бродяга. Может быть, поэтому я сейчас жив, а ты – нет. Жаль, ты мне понравился.

Он сокрущенно покачал головой, затем взял канделябр и снова углубился в потайной коридор. При свете путь казался гораздо короче. Не пройдя и тридцати шагов, Конан наткнулся на бесформенную черную груду. Перевернув колдуна на спину, он смотрел рану. Она была очень глубока. Первый сановник медленно размежил веки и остановил на Конане угасающий взор.

– А ведь я много раз... мог убить тебя, проклятый... варвар, – еле слышно прошептал он.

– Теперь поздно себя упрекать.

– Зачем я... ее послушался? Она... погубила меня. – Раненый снова закрыл глаза.

– Эй, погоди! – Конан схватил свою жертву за плечи и энергично встряхнул. – Погоди, не умирай. Сначала ты должен мне все рассказать. Это баронесса велела тебе разделаться с бароном?

– Да... А в награду обещала себя. Я стар... и некрасив. Мне пришлось жизнью заплатить за то... что тебе и многим другим досталось даром. – Его голова запрокинулась.

– Понятно... Значит, это ты навел на меня чары, чтобы я бросился на барона с мечом?

– Да. Но баронесса об этом не знает. Никто не подозревал, что я... владею магией.

– Верится с трудом. А кто тебе приказал заняться мною во время сражения?
– Какого... сражения? – Слова давались первому сановнику с огромным трудом.
– Того самого, когда я прикончил Хорга, нашего вожака. – Вспоминать о том поединке Конану было неприятно.

– Я... ничего об этом не знаю.
– Так ты что, в тот день не колдовал?
– Нет.
– А чья же это работа?

Вопрос остался без ответа. Злокозненный чародей испустил дух.

«Барон мертв, первый сановник тоже, – подвел итог Конан. – А поутру вся дворцовая стража бросится на поиски властелина. Ускользнуть отсюда почти невозможно – слишком сильна и бдительна охрана, и немудрено – ее повелителю везде мерещились враги. А при известии о смерти барона она не успокоится, пока не разыщет „убийцу“. В эту ночь я – единственный чужак во дворце, так что оба убийства, как пить дать, припишут мне».

Да, скорее всего, так случится. Об этом позаботится баронесса – Конан хорошо помнил ее просьбу, помнил, как она угрожала ему, получив отказ. И оправдаться будет невозможно. Единственный выход – проникнуть в покой жены барона, захватить ее и объявить заложницей. И как можно скорее, пока не поднялась тревога.

А может быть, этот темный коридор ведет к потайному выходу из дворца? Надо это проверить, а уж потом идти к баронессе. Не тратя больше времени на размышления, Конан двинулся вперед.

Напрасно он озирался по сторонам, высматривая освещенный проем или хотя бы затянутую паутиной дверку в стене. В конце концов он наткнулся на препятствие. Кажется, тупик. Он стал методично, пядь за пядью, изучать глухую стену. Свечи догорали, но Конан не терял надежду. Должен же тут быть какой-нибудь выход. И он нашел его, когда затрепетал в расплавленном воске последний умирающий огонек.

Один кирпич слишком выпирал из стены. Конан нажал на него, раздался щелчок, и в тупике открылась прямоугольная брешь примерно три локтя на два. Отбросив бесполезный канделябр, Конан боком протиснулся в лаз и выпрямился в кромешной темноте.

Он оказался в царстве разнообразных ароматов. Запахи фиалки и жасмина, розы и гвоздики кружили голову, щекотали ноздри, – хотелось чихнуть, и Конан, боясь выдать себя, яростно потер переносицу. Желание чихнуть исчезло. Он шагнул вперед, и тут же его с головы до пят окутали тончайшие шелестящие ткани. И в этот миг Конан сообразил, что находится в обыкновенном платяном шкафу. Чудесные ароматы навевали мысли о прекрасных дамах, но мечтать было недосуг. Конан распахнул дверцы шкафа и вышел в комнату.

Она была довольно просторна, и даже без свечей можно было рассмотреть интерьер – в многочисленные окна проникали первые рассветные лучи. Посередине стоял широкий диван, на розовых шелковых простынях лежал шут в пестрой пижаме с обилием кружев и оборочек. Расцветка пижамы была довольно веселой в отличие от ее владельца, которого Конан всегда видел только угрюмым и раздражительным. А сейчас шут выглядел еще менее жизнерадостным. Поскольку был мертв.

«Может быть, он меня разыгryвает? – подумал Конан. – Нет, вряд ли. Я ведь ему за это не плачу».

Он усмехнулся своей злой шутке. Глаза покойника едва не вылезали из орбит,

скрюченные пальцы закостенели, скомкав простыню.

«Вот так-то, — грустно молвил про себя Конан. — Теперь еще и убийство шута припишут мне. Три мертвца за одну ночь, и во всем виноват чужеземный разбойник Конан. Так скажет баронесса, и вряд ли я удивлюсь, если стражники поверят ей, а не мне. Нет, надо поскорее выбираться из этого злополучного дворца».

Конан выскочил из спальни и огляделся. В коридоре не было ни души. Видимо, потайной ход тянулся от флигеля к флигелю, соединял запущенное, хмурое обиталище призраков с покоями придворных, где сейчас находился Конан. Вдалеке послышались голоса, и киммериец побежал в противоположную сторону.

В конце коридора прямо перед ним из комнаты выскоцила полуодетая женщина. Конан оттолкнул ее в сторону и побежал дальше; вслед ему летел истошный визг. Кругом захлопали двери. К женским воплям добавились басовитые окрики стражников, затем — рев и яростная солдатская брань. Вскоре за Конаном неслась толпа вооруженных мужчин.

Конан бежал не разбиная пути, отталкивая безоружных и разя мечом тех, кто пытался его задержать. Во дворце поднялась суматоха, стоял неимоверный шум. Конан уже простился с надеждой ворваться в спальню баронессы, приставить клинок к ее горлу и приказать страже, чтобы его отпустили. Он бы просто-напросто не сумел ее найти в этом огромном лабиринте коридоров, залов, анфилад и покоев. Но зато он увидел впереди заветный выход...

Еще один стражник рухнул без звука под свирепым ударом тяжелого меча, другой обратился в бегство. На глазах у дрожащего небритого дворецкого Конан распахнул высокие золоченые створки... и застыл на крыльце. Со всех сторон к нему неслись огромные сторожевые мастины. Все ближе, ближе слюнявые пасти с желтыми клыками и черными языками... Он резко затворил дверь перед носом у самого быстроногого пса и прислонился к ней спиной.

В вестибюль уже набилось десятка полтора стражников. Сомкнув ряды, они наступали на Конана. У него мелькнула безумная мысль взять в заложники стоящего рядом дворецкого, но он тотчас одумался. Кому нужна несчастная лакейская жизнь? Да режь его хоть на кусочки — пощады себе не выторгуешь. Конан нагнулся и положил меч на пол. Тотчас подскочил бледный воин с трясущимися губами и пинком отшвырнул меч в сторону.

Конана крепко связали и повели в глубь дворца под неотрывными взглядами испуганных придворных и слуг. Точно такой же страх он читал и в глазах своих конвоиров. А ведь не во мне дело, сообразил он. Они боятся судьбы. Будущего. Как бы ни был грозен и деспотичен барон, он теперь мертв, и впереди у них — неизвестность. Они не ведали его целей и помыслов, но служили верой и правдой, убивали врагов своего господина и погибали по его приказу. А теперь барона нет, цели и помыслы его так и остались тайной, и они — как осиротевшие дети, за которых всегда решал отец.

Наконец его втолкнули в церемониальный зал. На золоченом кресле сидела баронесса. При виде Конана она улыбнулась, и он, к своему изумлению, не увидел в той улыбке злорадства. Только благодарность.

— Я прошу всех покинуть зал, — властно произнесла баронесса. И вооруженные до зубов стражники, бросая на Конана недобрые взгляды, нехотя двинулись к выходу.

— А ко мне это не относится? — усмехнулся Конан.

— Нет.

Баронесса встала и медленно подошла к Конану.

— Не стоит притворяться, будто ничего не произошло, — мягко произнесла она.

Конан не откликнулся, решив подождать и послушать.

— Я знаю, ты убил барона. — Внезапно красавица поднялась на цыпочки и потянулась к уху Конана. — Но ведь ты это сделал по моей просьбе, — прошептала она.

Конан удивленно поднял бровь.

— А если я скажу, что не убивал его?

— Глупо отрицать. Я все равно не поверю. Но тебе нечего бояться, Конан. Я не предаю друзей. Я обещала сделать тебя воеводой или первым сановником, и ты им будешь. Ты правильно сделал, что прикончил и его. Теперь я безраздельно властвую в этом городе. Когда стража сообщила мне, что барон, первый сановник и шут мертвы, я сразу поняла, чьих это рук дело. Не родился еще мужчина, способный отказать мне в небольшой услуге. Даже если он варвар. — Баронесса одарила его многообещающей улыбкой. — Тебе ни о чем не придется жалеть. Мы будем править вместе и сделаем остров Эгъер богатым, счастливым...

Она умолкла и резко обернулась на шелест портьеры. Глазам Конана и прекрасной молодой вдовы явился призрак. Он остановился, сложил руки на груди и вонзил в свою неверную супругу холодный, беспощадный взгляд.

— Так ты жив? — слабея от ужаса, прошептала она. — И все слышал?

— Разумеется. Мне очень хотелось узнать, о чем ты будешь говорить с Конаном. И когда стражники перенесли меня в опочивальню, я, воспользовавшись суматохой во дворце, потайным ходом пробрался в комнату шута и убедился в его смерти, а по дороге наткнулся на труп первого сановника. Затем я незамеченным пришел в этот зал и спрятался в ожидании дальнейших событий. И они не заставили себя ждать.

— И что теперь будет со мной? — дрожа от страха, пролепетала баронесса.

— Твоя судьба решена. Я велю спалить тебя на костре. Как ведьму.

— Как ведьму? Но я даже не умею колдовать.

— Рано или поздно научилась бы. Ты ведьма по своей сути — а это куда страшнее.

— Ты не можешь так со мной поступить, — еле слышно пролепетала баронесса. Она смертельно побледнела и без чувств упала на пол. Конан двинул было в ее сторону, но барон остановил его мановением руки.

— Не трудись. — Барон превосходно владел собой и говорил без тени былой печали. — Здоровье ей больше не понадобится. Завтра в полдень она сгорит, и этот город будет свободен от нечиисти. О, боги, как я устал! — Он ссугутился на миг и прикрыл глаза ладонями, затем выпрямился и дружелюбно взглянул на Конана. — Даже к лучшему, что она нас не слышит. Я хочу с тобой поговорить.

— Но я же сам видел тебя мертвым, — растерянно произнес Конан.

— Ты видел пену изо рта и выпученные глаза. Пустяки, детский трюк. Не ты первый клюнул на эту удочку. — Барон улыбнулся краями рта. — Мне хотелось знать, как поведет себя баронесса после моей смерти. А выяснить это я мог только таким способом. Зато теперь я знаю все. Я давно подозревал, что она строит козни. А теперь уже не подозреваю, а знаю наверняка. Она была главой заговора. Если б не твое вмешательство, я был бы обречен. А после моей смерти остров вновь превратился бы в рассадник нечиисти. Первый сановник и шут кое-что смыслили в магии, им не составило бы труда обучить баронессу...

— Но зачем им это? — перебил Конан. Его вежливость отступила под натиском любопытства.

— Власть, — твердо произнес барон. — Магия — это прежде всего инструмент власти. И в нашем мире он считается самым надежным.

– Не всегда. Меч еще кое-что значит – и я это доказал! Но какой власти мог добиваться проклятый шут?

Барон неопределенно пожал плечами.

– Этот паяц, – брезгливо сказал он, – не успел до конца овладеть всеми секретами мастерства, но подавал очень большие надежды. Даже слишком большие. Он мечтал на мое место.

– Шут на троне?! – воскликнул Конан. – Что за нелепость!

– Не скажи, не скажи. На мой взгляд, это встречается сплошь и рядом. Уж мне ли не знать об этом?

– Но кто же убил шута?

– Когда я разгадал подлые замыслы человека, которого считал умнейшим и проницательнейшим среди моих соратников, я не нашел причины щадить его жизнь. А заодно я решил выяснить, заслуживает ли доверия первый сановник. И с твоей помощью я утвердился в своих опасениях. Короче говоря, на золотое блюдо колдуна я положил волосы шута. Они давно хранились у меня – я лишь не знал, какое применение им подыскать.

– Но чья же прядь лежала там до этого?

– Моя, разумеется. Или ты думаешь, я могу не узнать собственные волосы? – Барон рассмеялся. – И я не безумец, чтобы оставлять их на столе чародея. Первый сановник хотел навести на меня смертельную порчу, но вместо этого погубил шута. И умер, даже не узнав об этом. Ты своей рукой покарал его, Конан. Если, конечно, ты еще помнишь о таком пустяке.

Конан задумался на несколько мгновений.

– Теперь мне все ясно. Кроме разве что одного... Если баронесса не знакома с магией, а первый сановник не колдовал в день сражения, то кто же навел на меня чары? Кому я обязан тем проклятым наваждением? Неужто тому же шуту?

Барон снова рассмеялся.

– Ну, что ты. Для такой сложной задачи у юнца было маловато опыта и силенок. Нет, Конан. Не баронесса, не первый сановник и не шут. Думаю, теперь ты и сам способен догадаться.

– Так ты и сам?.. – Конан, напрочь сбитый с толку, скомкал фразу.

– Верно. Я полагал, ты догадаешься раньше. Так вот, отныне я самый могущественный и теперь уже единственный маг на этом острове.

– А что же все эти несчастные, которых ежедневно вешали и жгли на кострах? Чем провинились они?

– Как это – чем провинились? Они занимались колдовством. Кто в большей, кто в меньшей степени. Готов признать, иные пострадали невинно. Но я не мог допустить, чтобы хоть один чародей ускользнул от моего палача. – Барон хитро улыбнулся. – Конан, их гибель не напрасна, она послужила уроком тысячам соотечественников. И теперь в моем баронстве железная дисциплина. С колдунами здесь покончено раз и навсегда, я – единственное исключение. Может быть, я не силен в стратегии, но, пока моя власть подкреплена магией, я непобедим! Не правда ли, мы с тобой уже успели в этом убедиться, когда твои приятели хотели ограбить остров Эгъер? Да. Если бы не магия, город лежал бы в руинах, и ты, Конан, сейчас бы пировал и делил в ванами добычу. А вместо этого ты, мой недавний враг, оказал мне неоценимую услугу. И мое предложение остается в силе. Я буду рад принять тебя на службу. К тому же не так давно при дворе появились хорошие вакансии, – добавил он с улыбкой.

Конан размышлял, все больше мрачнея. Никогда еще у него не было так скверно на душе.

— Месьор, — холодно ответил он наконец, — я слишком молод для первого сановника, но слишком стар для шута. И если и впрямь воля барона — вознаградить меня, то мое единственное желание — навсегда покинуть этот остров. Это будет мне лучшей наградой. Я постараюсь как можно быстрее забыть обо всем, что здесь случилось, но прежде, если угодно, сдержу обещание. Побываю у ванов, верну меч Хорга его родичам и предложу им мир.

Барон поморщился.

— Жаль, Конан, жаль. Не такого ответа я ожидал. Но будь по-твоему. Я многим обязан тебе. И пусть меня считают излишне жестоким, никто не посмеет сказать, что за верную службу я плачу черной неблагодарностью. Бери меч Хорга и ступай к причалам. Найди любого капитана и передай, что я велел отвезти тебя, куда пожелаешь. — Он дружески приобнял Конана за плечи, затем подошел к двери и настежь распахнул створки.

— Дорогу Конану! Дорогу величайшему воину Эгьера!